

ГАРМОНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

18 августа члену-корреспонденту РАН Владимиру Александровичу Лихолобову, председателю Президиума Омского научного центра СО РАН, директору Института проблем переработки углеводородов, исполняется 60 лет.

Таких людей, какой, принято называть воспитанниками Сибирского отделения. Окончил факультет естественных наук Новосибирского государственного университета и еще в пору, когда «грыз гранит науки», накрепко прирос к Институту катализа СО РАН. Спокойный, уравновешенный характер, умение доводить дело до логического завершения, непостижимое трудолюбие способствовали тому, что Владимир Лихолобов, словно по графику, осваивал одну должность за другой, поднимаясь по служебной лестнице. (Как, впрочем, множество других воспитанников Сибирского отделения.) Начинал в Институте катализа со стажера-исследователя, дошел до заместителя директора, после чего возглавил Омский научный центр СО РАН.

Имя ученого В. Лихолобова хорошо известно в кругах специалистов как у нас в стране, так и значительно дальше. О нем говорят, что это человек, который любит начинать новое дело и подходит к нему творчески.

— Владимир Александрович, от какой черты ведете отсчет научной жизни?

— В этом случае надо обратиться к истокам. Еще будучи учеником 5-го класса я твердо решил, что стану исследователем мироздания. Сильно увлекся астрономией, собственноручно сделал мощный (130-кратный) телескоп. Наступившая эра пилотируемых космических полетов, запуска автоматических аппаратов на Луну, Марс, Венеру, укрепила мое увлечение настолько, что в 7—8 классах я начал изучать астрофизику и космогонию, используя уже не популярную, а специальную литературу.

Особо привлекали главы, излагающие проблемы образования химических элементов и последующего их участия в химической эволюции материи. Так я дошел до углубленного изучения всех разделов химии. В 8-м классе освоил весь школьный курс и начал штудировать учебники для вузов. Учитель химии М.А. Овчинникова поддерживала мое стремление к постижению ее предмета, помогала доставать литературу (я ведь учился в деревенской школе Алтайского края) и разрешала под ее присмотром проводить не входящие в программу опыты в школьном химическом кабинете. Тогда-то я и провел опыт, где применялся катализатор (синтез ацетальдегида из ацетилена в присутствии солей ртути), что на профессиональном языке сейчас называется гомогенный металлокомплексный катализ! Восклицательный знак — степень удивления, которое я выражаю 45 лет спустя после этого события, осознав, что проблемами, которыми я занимаюсь уже более 35 лет, заинтересовался в пятнадцать.

— **Вы не раз упоминали о людях, которые помогли вам сформироваться, как ученому...**

— Это, прежде всего, Г.К. Боресков, который своим ярким рассказом о катализе как химическом явлении увлек меня уже на третьем курсе ФЕН НГУ, после чего я и решил прийти в его институт — Институт катализа; профессор К.И. Матвеев, в лабораторию которого я распределился для выполнения дипломной работы и где увлекся удивительной химией комплексов палладия; профессор Ю.И. Ермаков, развивавший только что зародившуюся область каталитической химии «гибридных» систем (получаемых «скрещиванием» принципов гомогенного и гетерогенного катализа) так называемых закрепленных металлокомплексов. Наконец, академик К.И. Замараев, внесший идеологию возможности фактологического исследования детальных (т.н. «интимных») механизмов протекания каталитических превращений. Как много значит — в нужное время попасть «под счастливую звезду»: демократичный шеф, увлекательная тематика, преданные науке ученые...

— **Предложение о переезде в славный город Омск на высокую должность как восприняли, без колебаний? Ведь «варягам» всегда труднее.**

— Конечно, с колебаниями. Представьте себе мою позицию в Новосибирске в 1998 году: заместитель директора (практически первый) по научной работе Института катализа им. Г.К. Борескова, заведующий одной из крупнейших и, не боюсь сказать, процветающей лаборатории, с зарубежными контрактами, четырьмя докторами наук, в которой собраны уникальные химики-каталитики. В Новосибирском университете я был заведующим одной из сильнейших кафедр

«Катализ и адсорбция», созданной самим Г.К. Боресковым. На переезд в город Омск меня «подвигла» не возможность получения высокой должности, а новое, требующее неординарных решений дело. Первоочередных задач стояло две: перевести в активную фазу деятельность созданного еще в 1991 г. Омского научного центра и разрешить сложившуюся очень напряженную,

перерастающую в конфликтную, обстановку вокруг Конструкторско-технологического института технического углеводорода СО РАН, попавшего в очень тяжелое финансовое положение.

Я не был «полноценным» варягом, так как в Омске бывал до этого неоднократно, на протяжении почти 15 лет. В.К. Дуплякин, первый химик, получивший «гибридный» катализатор риформинга, создавал Омский филиал Института катализа, я познакомился со многими из тех, кто переехал тогда из Самары и Новосибирска в Омск для этой созидательной работы. И меня уже знали, как ученого и специалиста, занимающегося смежными проблемами и имеющего ту же идеологию не чураться решения прикладных вопросов, идти с «открытым забралом» на внедрение научной находки.

И, наконец, не менее важное обстоятельство. У меня состоялось несколько бесед с председателем СО РАН, в которых он говорил о необходимости таких кадровых решений и приводил примеры «десанта» из Москвы в Сибирь; с директором Института катализа, обеспокоенного ситуацией вокруг вверенных ему институту омских структур.

Но определяющим «белым камушком», брошенным на чашу весов, было мнение супруги: раз надо — ездай. Через два года, в декабре, когда у меня появилась постоянная жилплощадь, она переехала ко мне, и сейчас ее шутя называют «декабристкой».

— **С чего начали свою деятельность на омской земле?**

— С выяснения объективных причин, тормозящих развитие Омского научного центра и, конечно, прежде всего, с налаживания взаимоотношений с властью. К счастью, я встретил понимание, и достаточно быстро при содействии Областной администрации были решены два ключевых вопроса — здание (от Минобороны РФ ОНЦ СО РАН получил на свой баланс дом старой, красивой постройки, в центре города Омска) и место в прекрасной Омской государственной областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина — там появилась Центральная научная библиотека ОНЦ СО РАН. Удалось также очень быстро установить деловые связи с Советом ректоров Омских вузов, руководителями областных министерств правительства Омской области. Был запущен процесс формирования областных заказов на научные разработки и подготовку кадров для научно-технического комплекса региона.

Конечно, еще есть нерешенные вопросы, но они перешли в техническую плоскость и не требуют идеологических корректировок. «Лечение» КТИТУ СО РАН заняло гораздо больше времени и нервов. После трехлетних неудачных попыток «мягкого» решения проблем, связанных с функционированием института, было принято кардинальное, но единственно правильное решение — создать на базе двух химических институтов ОНЦ СО РАН — КТИТУ СО РАН и ОФ ИК СО РАН — новую структуру с правами юридического лица — Институт проблем переработки углеводородов СО РАН.

— **Стал ли сегодня институт полноценной единицей?**

— На мой взгляд, за прошедшие три года заметны положительные сдвиги по трем ключевым для функционирования академического института направлениям. Первое — становление тематики. Институт начал занимать соответствующую его профилю нишу на рынке научно-технических услуг, и поэтому можно осознанно корректировать направления фундаментальных и прикладных исследований, что уже и сделано в «трехлетней» программе. Второе — развитие интеграционных, кооперативных и деловых связей с партнерами для расширения объемов научно-технических услуг института, создание научных заделов как платформы устойчивого научно-технического бизнеса на перспективу. За это время значительно увеличилось число как российских, так и зарубежных предприятий, и фирм, с которыми ИППУ установил деловые связи. Решены также некоторые организационные задачи участия института в инновационных процессах и, в частности, в научно-технических программах Российской Федерации. Третье — развитие и усиление кадрового потенциала ИППУ и его материально-технической базы. Я здесь не употребил слово «омоложение», так как институту нужен существенный прирост научных кадров. Сейчас у нас около пятидесяти сотрудников, которые относятся к категории научных работников, и еще десятков аспирантов.

В 2006 г. ИППУ выполнил хоздоговоров различного уровня на сумму свыше 75 млн руб., и если исходить из одного из принятых в СО РАН показателей эффективности отдачи от научной деятельности, то для института он составил более 1 млн руб. на одного научного работника в год, включая аспирантов. В этом году внебюджетный доход достигнет 100 млн руб. и мог бы быть существеннее при большем числе научных сотрудников. Есть еще, конечно, внутренние резервы, связанные с организацией таких работ, с проработкой конъюнктуры стоимости наших научно-технических услуг, но, как директор, уже вижу предел такой отдачи. Кадры для себя мы сейчас можем готовить — созданы необходимые, базирующиеся в институте кафедры от ОмГУ и ОмГТУ. Сдерживает нерешенность на уровне Правительства РФ вопросов законодательной базы по кадровой политике, инновационному развитию, внебюджетной деятельности институтов Российской академии наук.

И последнее. Так получилось, что ИППУ СО РАН стал самым крупным институтом Российской академии наук в городе Омске. Поэтому по его внешнему виду и по его успехам судят в регионе обо всей Академии наук в целом. И здесь я хочу заверить руководство Сибирского отделения РАН, что такую почетную миссию мы будем стараться выполнять.

— Сегодня много говорится о создании новых экономических процессов переработки углеводов. Эти проблемы занимают и вас?

— Действительно, речь о том, чтобы наше государство уходило от статуса «сырьевого придатка Запада» и все более ориентировалось на экспорт продукции высоких технологических переделов, ведется постоянно и на разных уровнях. Но прежде необходима смена менталитета — и у власти, и у

науки, и у бизнеса. Что касается науки, то для достижения заявляемых, пока в большей степени политических и в меньшей — экономических ориентиров, необходима соответствующая стратегия государства. Например, в области переработки углеводородов на ближайшие 10 лет можно выделить две базовых цели: первое — углубление переработки нефти до 95—97 % (сейчас она в среднем по России 75 %), второе — утилизация в ценные продукты попутных нефтяных газов, которые в настоящее время сжигаются в факелах (масса сжигаемого попутного нефтяного газа по России эквивалентна 20—25 млн тонн нефти — годовому потреблению сырья двумя крупными НПЗ).

В ближайшей перспективе появится необходимость и в развитии технологий переработки «нестандартных» нефтей — или слишком легких, или слишком тяжелых, то есть нефтей, для переработки которых действующие технологии не оптимальны. Ряд институтов РАН уже включились в решение этих задач, среди них и Институт проблем переработки углеводородов Омского научного центра. Наша ниша в этих исследованиях — создание интегрированных процессов переработки углеводородов. Например, важнейший компонент современной нефтепереработки — процесс гидрокрекинга, дающий прирост глубины переработки нефти на 10—12%. В этом каталитическом процессе длинные молекулы парафиновых углеводородов разрываются на более короткие под действием водорода. В институте сейчас исследуют возможность замены водорода (зачастую дефицитного на НПЗ) на метан — богатое водородом химическое соединение, основной компонент природного газа. В случае осуществления такой реакции взаимодействия метана с длинноцепочечным парафином в продукты реакции войдет не только водород, но и углерод, то есть произойдет утилизация метана в ценный продукт — моторное топливо. Аналогично такой процесс можно осуществлять с этаном, пропаном и т.д., то есть с компонентами попутного нефтяного газа. Положительные результаты исследований уже имеются. Процесс получил рабочее название «Бикрекинг».

В целом институт занимается целым спектром современных проблем повышения глубины переработки нефти, газового конденсата, попутных нефтяных газов, а также нетрадиционного сырья, в том числе происшедшего из растений, например, сапропелей, масел, и др.

— Не обходите вниманием и водородную энергетику?

— Сейчас «бум» водородной энергетики пошел на спад, но три года назад он захватил и нас. Омск участвовал в «норильской программе» по двум проблемам: процессам получения чистого водорода из метана и материалам — аккумуляторам водорода. Надо заметить, что достигнуты определенные успехи. Продолжаем этим заниматься в текущем режиме, ибо надеемся, что к проблеме вернутся на государственном уровне (как произошло с нанотехнологиями).

Кстати, институт интенсивно включился в стратегический для России «нанотехнологический» приоритет, используя «на всю катушку» научные

заделы и технологические возможности (имеются в виду опытные производства) по разработке методов синтеза и использования в нанотехнологиях глобулярного дисперсного углерода и углерод-углеродных композиционных материалов, по которому в системе РАН коллектив занимает лидирующие позиции. В 2005—2006 гг. по нанотехнологиям углеродных материалов ИППУ СО РАН удалось выиграть государственный контракт на 20 млн руб. По этому же направлению заключаем государственный контракт на 2007—2008 гг. на сумму 100 млн руб.

— **Владимир Александрович, есть ли у вас удовлетворение от сделанного на омской земле?**

— В целом — да, все-таки кое-что удалось! Но без моральной и финансовой поддержки руководства Президиума СО РАН и, прежде всего, его председателя академика Н. Добрецова мы вряд ли бы справились.

Труднорешаемые в Омске научные проблемы мало-помалу удается осваивать, как правило, без особого шума. Владимир Александрович, интеллигентнейший человек, вообще не приемлет «непарламентских» дебатов. Никогда не повысит голоса на подчиненного, не оскорбит, не унижит его достоинства. «Хоть и мягок в обращении, но тверд в решениях, — шутя говорят о руководителе. — От своего не отступится и обязательно добьется».

Постепенно удалось отремонтировать институты, навести красоту на окружающей территории. Сейчас отлаживают региональный центр коллективного пользования.

По призванию Владимир Александрович — трудоголик. Не признает суббот и воскресений как время обязательного отдыха — может целый день просидеть на работе и быть вполне этим доволен. Семья, очень дружная, особенно не ропщет, в силе все тот же девиз: если надо — значит надо!

Но зато, когда наступает веселья час, умеет В. Лихолобов от души повеселиться: и споет, и на гитаре лихо сыграет! Иными словами — гармоничный человек!

Л. Юдина, «НВС»

Источник:

Юдина Л. Гармоничный человек // [Наука в Сибири](#). — 2007. — N 30-31. — С. 4.